ЛБ2 4/13

№49562
XV-№404
Л 82 4/13
I 2/20

ЗНАЧЕНІЕ ВОЗЗВАНІЯ I АВГУСТА 1914 Г. ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО КЪ ПОЛЯКАМЪ И ВОПРОСЫ ВОЗНИКАЮЩІЕ ИЗЪ НЕГО И ПОСЛѢДУЮЩИХЪ СОБЫТІЙ.

Присяжнаго Повѣреннаго
Б. Г. ОЛЬШАМОВСКАГО.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

ЛБ2 4/13

ЗНАЧЕНІЕ ВОЗЗВАНІЯ I АВГУСТА 1914 Г. ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО КЪ ПОЛЯКАМЪ И ВОПРОСЫ ВОЗНИКАЮЩІЕ ИЗЪ НЕГО И ПОСЛѢДУЮЩИХЪ СОБЫТІЙ.

Присяжнаго Повѣреннаго
Б. Г. ОЛЬШАМОВСКАГО.

789/3

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Тип. Т-ва п. ф. «Эл.-Тип, Н. Я. Стойковой». Петрогр. Знаменская, 27.

Государственная публичная

Значеніе воззванія 1 Августа 1914 года Верховнаго Главнокомандующаго къ Полякамъ и вопросы, возникающіе изъ него и послѣдующихъ событій.

Жизнь жизнеспособнаго народа—это какъ бурный потокъ. Никакія искусственныя, нецѣлесообразныя преграды не въ состояніи его ни утилизировать, ни совсѣмъ уничтожить; утилизировать его можетъ только опытный спеціалистъ, надлежаще изучившій всѣ его особеннности.

Съ тѣмъ большею осторожностью, съ тѣмъ большимъ знаніемъ потребностей жизни, характера народа, всей его, такъ сказать, души, бытовыхъ и историческихъ соотношеній, долженъ приступать законодатель къ устройству и переустройству жизни народа.

Такая освѣдомленность не можетъ быть послѣдствіемъ только кабинетной работы, какъ бы она широка

и полна ни была. Геніи черпаютъ свои вдохновенія изъ всесторонняго знакомства съ жизнью.

Сама жизнь, тѣ тяжелыя испытанія, которыя самою судьбою пали на все Русское Государство, на всѣ народы его населяющіе и главнымъ образомъ на два первенствующіе славянскіе народы, Русскій и Польскій, сразу вызвали вопросъ о взаимномъ ихъ соотношеніи.

Едва грохнули пушки, грянулъ, такъ сказать, громъ, и—широкими ручьями полилась русская и польская кровь, первымъ актомъ большого значенія, только что назначеннаго въ то время Верховнаго Главнокомандующаго, было воззваніе къ Полякамъ.

Вдохновленныя слова этого воззванія: «Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться. Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія Польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей. Русскія войска несутъ вамъ благую вѣсть этого примиренія»; слова эти не

могли, понятно, не вызвать самаго лучшаго впечатлѣнія и—повлечь за собою благія послѣдствія.

Послѣ прочтенія вышеупомянутыхъ словъ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго, я сейчасъ же сказалъ: «я увѣренъ, что настоящее воззваніе съ великой радостью будетъ принято всѣмъ польскимъ народомъ, хотя оно никакихъ реальныхъ правъ польскому народу не даетъ. Настоящее воззваніе имѣетъ колоссальное общественное значеніе съ точки зрѣнія глубоко—идейной. Оффиціально Правительство въ воззваніи говоритъ дорогія для всего польскаго народа слова», (вышеприведенныя слова)[1]).

И, дѣйствительно, послѣдующіе за симъ дни, вплоть до сего времени, подтверждали правильность этого взгляда: отношенія не только польской интелигенціи, но и всего польскаго народа къ русскимъ вообще, и въ частности къ русскимъ войскамъ, стали весьма дружелюбны, а дружелюбивыя отношенія мѣстнаго населенія къ одной изъ воюющихъ сторонъ это большой для послѣдней шансъ и залогъ успѣха!

---

[1]) Биржевыя вѣдомости 3 августа 1914 г. № 14288, утрен. вып.

Независимо этого, воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, вызвавшее такое единодушное дружелюбіе, имѣло большое значеніе какъ для Русскаго и Польскаго народовъ, такъ и для Русской Государственной идеи. Россія издавна заявила себя покровительницею славянства и въ этой войнѣ она, воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, заявила «о воскресеніи народовъ», а Коалиція, къ которой принадлежитъ и Россія, это защитница правъ отдѣльныхъ народностей противъ гегемоніи Германіи. Въ такой моментъ важно было, чтобы Польскій Народъ проникся тѣмъ убѣжденіемъ, что, въ единеніи съ Русскимъ Народомъ и Русскимъ Государствомъ, будетъ достигнута имъ лучшая будущность и чтобы въ самомъ началѣ войны это было заманифестировано обоими сторонами такъ, чтобы этому искренно повѣрило все славянство и Коалиція. Общая опасность передъ «засиліемъ» и «насиліемъ» нѣмцевъ и воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, являющееся отраженіемъ взгляда Русскаго Народа и Правительства, и такъ понятое Польскимъ народомъ, произвело весьма отрадное впечатлѣніе.

Этимъ однако ограничиваться не слѣдуетъ, а нужно создать соотвѣтственныя условія для жизни Русскаго и Польскаго народовъ, для чего, какъ мы это писали еще 29 марта 1905 г., «прежде всего необходима отмѣна всѣхъ исключительныхъ, ограничительныхъ законовъ. Все это лежитъ въ интересахъ общегосударственныхъ, въ интересахъ обоихъ народовъ; но, понятно, все это зависитъ прежде всего не отъ Польскаго народа и не отъ него можетъ изойти инициатива такой перемѣны» [1]).

Затѣмъ 1 ноября 1904 г. мы писали:

«Истинное единеніе народовъ вырабатывается при совмѣстной равноправной ихъ общественной жизни и работѣ, а для этого нужно, чтобы не существовали препятствія къ таковой, нужно равенство въ правахъ и обязанностяхъ [2]).

Къ сожалѣнію, хотя послѣ 1904 г. Русско—Польскія отношенія и немножко улучшились, но всетаки они оставляли желать еще много лучшаго.

При такомъ положеніи вещей настала война и было объявлено воззваніе 1 августа 1914 г. Верховнаго

---

[1]) Русь 2 апрѣля 1904 г. № 19 въ ст. „Воистину воскреснетъ". Книга «Польскій вопросъ» въ газетѣ Русь, т. 1 стр. 6—8.

[2]) Тамъ же стр. 137 и 138 ст. «Отвѣтъ на статью «Братьямъ Полякамъ».

Главнокомандующаго, анализируя которое, мы тогда же, сказали, что «теперь происходитъ тоже столкновеніе славянства съ германизмомъ и Польскій народъ вѣритъ, что это столкновеніе закончится еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ подъ Грюнвальдомъ. Тогда славянство не будетъ имѣть внутреннихъ враговъ, признаніе правъ всѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ дастъ силу и мощь всему славянству и что въ кровавыхъ расправахъ и войнахъ не встрѣтится больше надобности»...

Въ заключеніе мы сказали:

«И теперь это тяготѣніе Польскаго народа (къ славянству и Россіи) будетъ еще болѣе укрѣпляться по мѣрѣ осуществленія реальныхъ правъ Польскаго народа Русскимъ Правительствомъ» [1]).

Мы и теперь думаемъ, что скорѣйшее осуществленіе реальныхъ правъ Польскаго народа Россіею должно лежать въ интересахъ общаго блага.

Хотя высказанныя въ вышеупомянутомъ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго положенія не прове-

---

[1]) Биржевыя Вѣдомости 3 августа 1914 года № 14288 утрен. вып.

дены еще въ жизнь, тѣмъ не менѣе воззваніе это имѣло громадное значеніе въ Русско-Польскихъ отношеніяхъ. Оно явилось авторитетнымъ и категорическимъ предвозвѣстникомъ лучшаго устройства жизни и взаимноотношеній двухъ братскихъ славянскихъ народовъ: Русскаго и Польскаго.

Подтвержденіемъ правильности такого взгляда служитъ ВЫСОЧАЙШЕ Утвержденное 6 іюня 1915 года постановленіе Совѣта Министровъ отъ 29 мая 1915 года объ образованіи, подъ Предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Совѣщанія для предварительнаго обсужденія вопроса о способѣ осуществленія основаній, высказанныхъ въ воззваніи къ Полякамъ Верховнаго Главнокомандующаго.

Къ этому, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію, призваны 12 лицъ изъ числа общественныхъ дѣятелей: по шести изъ числа дѣятелей Русскихъ и—Польскихъ.

Изъ изложеннаго очевидно, что задачею вышеупомянутой Комиссіи поставлено выясненіе передъ Правительствомъ взглядовъ Русскаго и Польскаго обществъ на будущія Польско-Русскія отношенія.

Такое предварительное и при томъ возможно широкое выясненіе того вопроса, о которомъ рѣчь, является весьма желательнымъ и полезнымъ въ интересахъ Русскаго и Польскаго народовъ, въ интересахъ Обще-Государственныхъ, и, какъ мы это писали въ 1899 г. въ предисловіи къ книгѣ нашей «Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ», изданной по поводу предполагавшагося тогда къ изданію закона о землевладѣніи въ Западномъ Краѣ, должно составлять право и обязанность каждаго гражданина, считающаго себя компетентнымъ высказать свое мнѣніе по разсматриваемому вопросу, независимо отъ того, каково бы ни было высказываемое имъ по такому поводу мнѣніе, лишь бы таковое высказывалось на основаніи изученія вопроса— Sine irae et studio.

Такое предварительное выясненіе вопроса никогда не можетъ оказаться вреднымъ, а напротивъ можетъ принести даже пользу, и, во всякомъ случаѣ, не должно быть поставляемо во вредъ высказывающемуся.

Исходя изъ изложенныхъ выше положеній, мы считаемъ своимъ долгомъ высказать свой взглядъ, какъ

по принципіальному вопросу о Польско-Русскихъ отношеніяхъ, такъ и по отдѣльнымъ вопросамъ изъ такового истекающимъ.

Въ виду той конъюнктуры, которая за послѣднее время возникла, въ виду того, что въ настоящее время явно стали другъ противъ друга двѣ міровыя силы: Германство и Славянство, что при розни, и даже при одномъ только отсутствіи между Россіею и Польшею взаимнаго довѣрія и—признанія за каждымъ изъ этихъ народовъ: Русскимъ и Польскимъ, правъ не только гражданскихъ, но и политическихъ, славянство, силою самихъ вещей, не можетъ быть такъ сильно и крѣпко, какъ оно могло бы и должно было бы быть, мы полагаемъ, что истинный патріотизмъ сыновъ какъ Россіи, такъ и Польши, долженъ ихъ обязывать прямо и откровенно высказать, какъ существующія въ томъ и другомъ народѣ теченія, пожеланія, такъ и свои взгляды на таковыя.

Мы полагаемъ, какъ это мы писали еще въ апрѣлѣ 1914 г., что близко то время когда Польско-Русскія отношенія, въ интересахъ обоихъ народовъ, совсѣмъ из-

мѣнятся, ибо мы вѣримъ, что въ Россіи и Польшѣ восторжествуетъ истинный патріотизмъ: патріотизмъ Русскій и патріотизмъ Польскій, а истинные патріоты одного и другого народа, поймутъ свои настоящіе интересы [1])!

Такая исходная точка разсмотрѣнія поставленнаго выше вопроса, т. е. вопроса о Русско-Польскихъ отношеніяхъ, истекаетъ непосредственно изъ точнаго смысла какъ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ Полякамъ, такъ и изъ ВЫСОЧАЙШЕ Утвержденнаго 6 іюня 1915 года положенія Совѣта Министровъ.

Изъ приведенныхъ выше словъ воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ Полякамъ видно, что таковое было обращено ко всѣмъ Полякамъ, гдѣ бы таковые ни проживали, во всякомъ случаѣ Полякамъ, проживающимъ на земляхъ, входившихъ, до раздѣла Польши, въ составъ Польскаго Государства. Въ этомъ отношеніи характерны начальныя слова упомянутаго воззванія:

---

[1]) Петербургскій Курьеръ 1914 г. № 119, моя статья: «Вѣра въ лучшую будущность Поляковъ и Русскихъ».

«Пробилъ часъ, *когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ* можетъ осуществиться».

Далѣе, въ упомянутомъ воззваніи буквально сказано: «Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да возсоединится онъ *во едино* подъ Скипетромъ Русскаго Царя». Очевидно здѣсь говорится *о всемъ* Польскомъ народѣ, о народѣ живущемъ на земляхъ, которыя при раздѣлѣ Польши достались какъ Россіи, такъ Австріи и Пруссіи.

Далѣе, въ вышеуказанномъ воззваніи буквально сказано: «Подъ Скипетромъ этимъ *возродится Польша*, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи». Когда говорится *«о возрожденіи»* Польши, то очевидно говорится о той Польшѣ, которая была во время ея паденія, то есть до ея раздѣловъ, ибо «возродиться» можно изъ того, что было и что когда то погибло.

Изъ приведенныхъ цитатъ является очевиднымъ, что подъ словами «Польша» понимались всѣ земли, входившія въ составъ бывшаго Польскаго Государства до паденія такового.

Что же касается вопроса о той формѣ политическихъ правъ, въ предѣлахъ которой имѣетъ быть въ будущемъ предполагаемая «возрожденная Польша», то на это даютъ указанія слѣдующія точныя слова воззванія: «Подъ Скипетромъ этимъ (Скипетромъ Русскаго Царя) возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи».

Обсуждая эти слова, въ связи со всѣмъ возвышеннымъ тономъ самаго воззванія, со всѣми обстоятельствами его изданія, съ тѣмъ, что часть Польши, о возсоединеніи которой съ остальной Польшей, а именно Галиція, въ моментъ изданія воззванія, была «свободна въ своей вѣрѣ, въ языкѣ и въ самоуправленіи», каковыя юридическія понятія выше понятій о вѣротерпимости и самоуправленіи земскомъ и городскомъ, принимая все это во вниманіе, неудивительно что Польскій народъ, въ приведенныхъ выше словахъ, видѣлъ предвозвѣщеніе въ будущемъ возрожденія Польши подъ Скипетромъ Русскаго Царя. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Подтвержденіе этого взгляда поляки усматривали еще въ нижеизложенныхъ буквально словахъ Верховнаго Главнокомандующаго: «Одного ждетъ отъ васъ Россія—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія. Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ на встрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ».

«Отъ береговъ Тихаго океана до сѣверныхъ морей движутся Русскія рати».

«Заря новой жизни занимается *для васъ*. Да возсіяетъ въ этой зарѣ *знаменіе Креста—символъ страданія и воскресенія народовъ*».

Вышеприведенное воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго не могло не быть понято въ такъ желательномъ для Польской души смыслѣ; но Поляки, испытавшіе многія разочарованія . . . . . и инстинктивно при этомъ сознавая, что не время говорить объ условіяхъ свободы, ... въ то время, когда общій врагъ можетъ съ минуты на минуту все стереть въ Краѣ, нахо-

дили пока неудобнымъ вести разговоры о предѣлахъ свободы.

Этимъ объясняется сдержанность по данному вопросу, какъ всего Польскаго народа, такъ въ особенности его интеллигенціи.

Что въ указанномъ смыслѣ слѣдуетъ понимать разсматриваемое воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, подтвержденіемъ того могутъ служить не только буквальныя слова упомянутаго воззванія, но и тѣ завѣтныя мечты, на которыя сдѣлана ссылка въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, нетолько сердечныя влеченія Поляковъ, но, скажемъ больше, еще и все создавшееся положеніе вещей и истинные интересы Русскаго и Польскаго народовъ, интересы Великой Россіи, интересы Русскаго Государства.

Вся предшествовавшая политика Правительства асимиляціи бывшихъ Польскихъ земель и Поляковъ, такъ сказать,—ихъ обрусенія, наглядно убѣдила въ безполезности и безцѣльности таковой.

Россія, страна весьма обширная и богатая по своей природѣ, слишкомъ много затрачивала напрасно силъ

на обрусеніе Польскаго народа и бывшихъ Польскихъ земель, отвлекая свои силы отъ продуктивной работы среди своей обширной страны и вслѣдствіе этого на глазахъ Россіи выросла не только агрессивная Пруссія, но, и единая, въ этомъ отношеніи, Германія: Германію философовъ, замѣнила Германія милитарная!

Въ то время, когда на окраинахъ Россіи велась противъ Поляковъ политика ограниченія ихъ въ правахъ, одновременно съ этимъ шла, какъ это я писалъ еще въ 1883 году [1]), усиленная покупка нѣмцами недвижимыхъ имѣній въ Западномъ Краѣ, въ особенности въ Ковенской губерніи (по нѣмецки Kovenland), для того чтобы протянуть нѣмецкій мостъ въ Курляндію [2]), а нынѣ тамъ, и вообще на земляхъ, входившихъ прежде въ составъ Польши, Германцы ведутъ ожесточенные бои съ Россіею и вообще со Славянствомъ.

Если Германизмъ будетъ силенъ, а Славянство будетъ ослаблено, то Германія всегда будетъ угрозою спокойствію Славянства, въ томъ числѣ, въ первую очередь,

---

[1]) Судебная Газета за 1883 г. № 8.

[2]) Книга моя «Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ СПБ. 1899 г. стр. 138.

Россіи и вообще спокойному теченію Европейской культуры, а потому, и въ интересахъ Россіи, должно быть «возрожденіе Польши свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи».

Въ этомъ именно и состоитъ колоссальное, какъ я это высказался 3 августа 1914 г.[1]) «общественное значеніе, съ точки зрѣнія глубоко-идейной», воззванія Верховнаго Главнокомандующаго.

А если интересъ не только Польши, но и Россіи и вообще всеобщаго спокойствія, требуетъ возрожденія свободной Польши, какъ оплота противъ Германіи, то интересъ этотъ требуетъ возрожденія Польши въ такихъ предѣлахъ, чтобы она была въ состояніи удовлетворить этому назначенію. Только Польша свободная и сильная будетъ, какъ это доказала исторія, въ состояніи культурально противостоять нѣмецкому «засилію» и, въ случаѣ необходимости, силою противостоять нѣмецкому «насилію».

Въ этомъ мѣстѣ мы должны оговориться: мы отрицательно относимся къ всякому «засилію» и «насилію», откуда и отъ кого бы таковое ни происходило и пола-

[1]) Биржевыя Вѣдомости 3 августа 1914 г. № 14288.

таемъ, что признаніе соотвѣтственныхъ правъ гражданскихъ и политическихъ за всѣми отдѣльными народностями, что должно произойти путемъ мирной эволюціи, приведетъ къ общему счастію и спокойствію. Поэтому мы полагаемъ, что дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, народовъ и Правительствъ должна быть направлена къ указанной выше цѣли!

Высказанное выше мнѣніе о Русско-Польскихъ отношеніяхъ, соотвѣтствуетъ общему убѣжденію Поляковъ, поэтому мы считаемъ соотвѣтственнымъ прямо высказать таковое, не вдаваясь въ подробности развитія его, ибо оно должно будетъ подлежать обсужденію Особыхъ Комиссій и вообще при обсужденіи этого вопроса въ Законодательномъ порядкѣ.

Мы полагаемъ, однако, что предварительно нужно освоится, сговориться на счетъ самой идеи иного устройства Русско-Польскихъ отношеній, а уже послѣ этого можетъ и долженъ будетъ разсматриваться вопросъ о предѣлахъ такого переустройства.

Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать и воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго, въ которомъ

вслѣдъ за словами: «подъ скрипетромъ этимъ (скипетромъ Русскаго Царя) возродится Польша свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, самоуправленіи, «буквально сказано: «одного ждетъ отъ васъ Россія—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми *связала Васъ исторія*». Исторія же [1]) связала Польшу и польскій народъ . . . . . съ народами Литовскимъ, Русскимъ (Русинскимъ) и Бѣлорусскимъ, ... Очевидно этими словами указанъ только тотъ глубокій смыслъ того правильнаго принципа, которымъ всѣ народности должны руководствоваться при взаимномъ сожитіи съ другими народностями.

Мы, зная польскій народъ, и въ виду возникшаго за послѣднее время, такъ называемаго, польско-еврейскаго вопроса, можемъ сказать, что положенія Польскаго народа это взаимное уваженіе къ своимъ правамъ между всѣми живущими совмѣстно гражданами, не зависимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія. Мы того

---

[1]) Городельская 1413 г. и Люблинская 1569 г. уніи Vol. Leg. t. I, fol. 66 и (Vol. Leg., T. II, f. 779) и сродныя тому событія и узаконенія.

убѣжденія, высказаннаго не нами первыми, что въ свободной Польшѣ не можетъ и не должно быть несвободныхъ гражданъ; всѣ граждане, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія, должны равномѣрно пользоваться всѣми гражданскими правами и исполнять одинаково всѣ гражданскія обязанности!

Въ заключеніе всего изложеннаго о предѣлахъ переустройства Русско-Польскихъ отношеній мы считаемъ нужнымъ сказать еще и то, что мы писали 10 лѣтъ тому назадъ, а именно, что мы желаемъ для себя, какъ народа, правъ сообразно той или другой польской населенности въ данной мѣстности, а для поляковъ, проживающихъ во всѣхъ предѣлахъ Россійской Имперіи, полнаго общегражданскаго равноправія [1]).

Таковъ, какъ мы указали это выше, по нашему мнѣнію, смыслъ вышеупомятутаго воззванія къ Полякамъ Верховнаго Главнокомандующаго и таково его значеніе.

Обсуждать однако въ этой статьѣ послѣдствія этого воззванія пока еще не мѣсто и не время: это дѣло бу-

---

[1]) «Русь» 20 іюля 1905 г. № 172. Въ ст., озаглавленной «По русско-польскому вопросу».

дущаго, дѣло исторіи! Во всякомъ, однако, случаѣ слѣдуетъ сказать, что разсматриваемое воззваніе это не простой только актъ распоряженія по Военному Вѣдомству, а это актъ глубокой Государственной мудрости и стратегіи.

Когда Прусскія и Австрійскія полчища вторглись въ Польскія земли, принадлежащія Россіи, когда предстояла опасность, что Австрія, въ предѣлахъ которой Поляки пользовались въ то время большими правами, можетъ обратиться къ Полякамъ, входящимъ въ составъ Русскаго Государства, съ обѣщаніемъ имъ, по присоединеніи ихъ къ Австріи, большой широты правъ, — тогда вновь назначенный въ то время Верховный Главнокомандующій, къ счастію для Россіи и Поляковъ, обратился къ Полякамъ съ вышеупомянутымъ воззваніемъ.

Не желая быть невѣрно понятными, а тѣмъ болѣе быть неправильно заподозрѣнными въ лицемѣріи, мы подчеркиваемъ здѣсь вѣрность нашихъ словъ «къ счастью для поляковъ», какъ словъ соотвѣтствующихъ нашему глубокому убѣжденію. Въ Австрійскомъ Государствѣ, въ Галиціи, Поляки пользовались широки-

ми, сравнительно съ правами ихъ въ Пруссіи и Россіи, правами, но тѣмъ не менѣе мы невѣримъ въ прочность этого ихъ положенія въ будущемъ въ Австріи, ибо Австрія, при усиленіи Пруссіи и вообще Германіи, все болѣе и болѣе будетъ подпадать вліянію Пруссіи, а для послѣдней, какъ писалъ это Бисмаркъ въ письмѣ къ Бернсдорфу 13/25 ноября 1861 г. «Каждый успѣхъ Польскаго народнаго движенія, есть пораженіе Пруссіи, и мы должны вести борьбу противъ этого элемента не по началамъ гражданской справедливости, а по правиламъ войны. Полонизмъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, долженъ оцѣниваться нами не гумманистически и безпартійно, а враждебно... Между нами и какой либо попыткой возстановленія Польши не можетъ быть заключено мира» [1])...

Возваніе Верховнаго Главнокомандующаго къ Полякамъ было издано еще до выѣзда Верховнаго Главнокомандующаго на театръ военныхъ дѣйствій,—было издано въ Петроградѣ, въ то время, когда въ Петроградѣ былъ Верховный Вождь всего Русскаго Государства и высшее Правительство и никакимъ актомъ законодатель-

[1]) Бар. Б. Э. Нольде. Внѣшняя политика 1915 г., стр. 160 и 161.

нымъ или Правительственнымъ это воззваніе не было до сихъ поръ ни въ чемъ отмѣнено или измѣнено. Наконецъ, когда Государю Императору благоугодно было порѣшить собрать законодательныя учрежденія, то вмѣстѣ съ тѣмъ воспослѣдовало 6 іюня 1915 г. ВЫСОЧАЙШЕЕ Утвержденіе постановленія отъ 29 мая 1915 года Совѣта Министровъ о созывѣ особаго совѣщанія для предварительнаго разсмотрѣнія способовъ осуществленія началъ оповѣщенныхъ въ вышеупомянутомъ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго.

Такое ВЫСОЧАЙШЕЕ Утвержденіе постановленія Совѣта Министровъ отъ 29 мая 1915 г. аутентически подтверждаетъ значеніе и силу вышеупомянутаго воззванія Верховнаго Главнокомандующаго и мы полагаемъ, что всѣ основныя начала, въ немъ высказанныя, будутъ обсуждены сперва въ комиссіи, а за симъ и въ законодательномъ порядкѣ.

Въ виду новизны, важности и, даже скажемъ болѣе, щекотливости возбужденныхъ вопросовъ, находя, въ интересахъ общаго блага, желательнымъ, чтобы по этимъ во-

просамъ высказались люди разныхъ положеній и взглядовъ, считаемъ необходимымъ высказаться по симъ вопросамъ какъ принципіально вообще, такъ и по разнымъ ихъ частностямъ, касающимся правъ и интересовъ Поляковъ, могущимъ вліять, въ томъ или иномъ смыслѣ, вообще на Польско-Русскія отношенія.

Въ упомянутомъ отношеніи имѣютъ значеніе, между прочимъ, законы 2 Февраля 1915 г. о землевладѣніи и землепользованіи въ Россіи подданныхъ Австріи и Пруссіи[1]).

Въ упомянутыхъ только что законахъ, въ особенности въ первомъ изъ нихъ (ст. 349), ни слова не сказано о землевладѣніи и землепользованіи Поляковъ австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ; тѣмъ не менѣе мѣстныя власти стали распространять дѣйствіе этихъ законовъ и на нихъ, что понятно, больно задѣло не только Поляковъ, подданныхъ австрійскихъ и германскихъ, но и Поляковъ подданныхъ Россіи.

Какъ справедиво отмѣчено въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, душа Польши не умерла и она едина. При томъ Поляки, русскіе подданные,

[1]) Собр. Узак. и распор. Прав. за 1915 г., Отд. I, ст. 349, 350 и 351.

кромѣ единства народнаго съ Поляками, подданными австрійскими и прусскими, состоятъ съ послѣдними зачастую еще въ кровномъ и даже очень близкомъ родствѣ и потому ограниченіе Поляковъ, подданныхъ австрійскихъ и прусскихъ, въ правахъ по землевладѣнію въ Россіи, является не только лишеніемъ гражданскихъ правъ и интересовъ Поляковъ австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно является нарушеніемъ правъ и существенныхъ интересовъ ихъ родственниковъ, Поляковъ русскихъ подданныхъ.

Равнымъ образомъ оно нарушитъ тоже интересы тѣхъ Поляковъ Русскихъ подданныхъ, служащихъ въ имѣніяхъ иностранныхъ подданныхъ, и служащихъ притомъ зачастую въ теченіе очень долгаго времени, которые, при понудительной поспѣшной ликвидаціи имѣній Поляковъ иностранныхъ подданныхъ, могутъ остаться безъ всякихъ занятій и средствъ къ существованію.

То или другое подданство Поляковъ произошло отъ того, къ какому изъ трехъ государствъ, Россіи, Австріи и Пруссіи, раздѣлившихъ Польшу, достались тѣ земли, которыми въ то время владѣли на правѣ собственности

отдѣльные Поляки, а также отъ выхода впослѣдствіи Полекъ, владѣвшихъ недвижимымъ имѣніемъ въ Россіи, замужъ за Поляковъ, принадлежащихъ къ австрійскому или прусскому подданству.

Въ виду такихъ случайныхъ обстоятельствъ Поляки и Польки, владѣющіе недвижимыми имѣніями въ Россіи, могли сдѣлаться австрійскими или прусскими подданными, нисколько не переставая быть Поляками и не сдѣлавшись черезъ то нѣмцами. Въ виду этого и при отсутствіи прямого постановленія закона о томъ, что Поляки, австрійскіе и прусскіе подданные, лишаются права владѣть недвижимыми имѣніями въ Россіи, они не должны быть признаны лишеннымъ этого права.

Правильность только что высказаннаго положенія истекаетъ, какъ изъ общихъ принциповъ права, такъ и изъ толкованія закона 2 февраля 1915 года способомъ толкованія законовъ.

По общему юридическому началу извѣстныя лица, или извѣстная категорія лицъ, могутъ быть лишены принадлежащихъ имъ правъ не иначе какъ въ силу точнаго о томъ постановленія закона и нельзя вы-

водить заключеніе о такомъ ихъ лишеніи только путемъ толкованія ограничительнаго закона, ибо всякое ограниченіе въ правахъ должно быть точно установлено въ самомъ законѣ и выводить какое либо ограниченіе, путемъ толкованія закона, было-бы несогласно съ правиломъ, выраженномъ въ ст. 65 т. I ч. I изд. 1892 г. Основ. Гос. Законовъ и, какъ это разъяснено въ рѣшеніи Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената № 39—1886 г., было бы равносильно установленію, путемъ толкованія закона, новаго ограничительнаго закона, что могло-бы явиться несогласнымъ съ истиннымъ намѣреніемъ законодательной власти и потому является рѣшительно не допустимымъ.

Въ виду этого и такъ какъ во всякомъ случаѣ является безспорнымъ то, что до 2 февраля 1915 г. Поляки австрійскіе и германскіе подданные имѣли право владѣть внѣ городскою земельною собственностью въ Россіи и закономъ 2 февраля 1915 г. они этого права прямо лишены не были, то они не должны быть признаваемы лишенными этого права вслѣдствіе одного только толкованія закона 2 февраля 1915 г., и при томъ невѣрнаго.

Невѣрность же толкованія вышеупомянутаго закона отъ 2 февраля 1915 г. въ томъ смыслѣ, какъ его толкуютъ мѣстныя Губернскія Правленія, т. е. въ томъ смыслѣ, что законъ этотъ будто бы имѣлъ въ виду и Поляковъ подданныхъ австрійскихъ и германскихъ, явствуетъ изъ самаго хода и движенія вопроса о правахъ съ одной стороны Поляковъ иностранныхъ подданныхъ, а съ другой стороны о правахъ вообще иностранцевъ на землевладѣніе и землепользованіе въ Россіи.

До раздѣла Польши всѣ жители земель, перешедшихъ впослѣдствіи къ Россіи, Австріи и Пруссіи, имѣвшіе тогда право по своему состоянію владѣть недвижимыми имѣніями, имѣли право пріобрѣтать таковыя и владѣть ими одинаково во всѣхъ упомянутыхъ земляхъ. Въ этомъ отношеніи, вплоть до раздѣла Польши, дѣйствовалъ тамъ законъ [1]) о томъ, чтобы всѣ, могущими быть изданными до того времени, ограничительные статуты и законы никакой силы не имѣли. «Какъ противные праву, справедливости и общей братской любви, и Уніи, и общему единенію; но чтобы всегда свободно было, какъ Поляку въ Литвѣ,

[1]) Привилегія объ уніи 1569 г. Volumina Legum II. 772 п. 14.

такъ Литовцу въ Польшѣ, всякимъ правымъ обычаемъ имѣнія получать и владѣть ими по закону, въ коемъ лежитъ имѣніе». Съ такими именно правами Поляковъ по землевладѣнію во всѣхъ земляхъ бывшаго Польскаго Государства часть земель этого Государства была присоединена къ Россійскому Государству и эти права были оставлены за всѣми Поляками. Въ этомъ отношеніи въ законодательныхъ актахъ Россійскихъ было сказано что «Губернаторы вновь образованныхъ губерній, изъ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ провинцій, должны всѣхъ не только оставить при всемъ томъ, что каждый правильно имѣетъ и гдѣ кто живетъ, но всячески охранять безопасность личной и имущественной собственности» [1]). Затѣмъ было сказано: «Всемилостивѣйшая Государыня изволитъ всѣхъ ихъ подтверждать при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ [2]) а посему да пребудетъ каждый при полной свободѣ на основаніи древнихъ сего княжества коронныхъ правъ и при

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XIX указъ отъ 22 мая 1772 г. № 13408.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XIX 16 августа 1772 г. № 13850. стр. 555.

законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ» [1]).

Такія же положенія были высказаны и въ Манифестѣ о присоединеніи Польскихъ областей къ Россіи [2]), въ указѣ о присоединеніи къ Россіи отъ Польши нѣкоторыхъ областей [3]) и ВЫСОЧАЙШЕМЪ Манифестѣ 14 декабря 1795 г. [4]).

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что и по раздѣлѣ Польши всѣ обыватели земель, входившихъ въ составъ бывшаго Польскаго Государства, и ихъ правопреемники, должны были сохранить свои права на земли, отошедшія по раздѣламъ къ Россійскому Государству. Это не опровергается, а напротивъ подтверждается еще и приведенными ниже узаконеніями.

И такъ, въ Манифестѣ 27 марта 1793 г. Генералъ-Аншефа Кречетникова, объявленномъ по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію въ станѣ Россійскихъ войскъ при Полоннѣ: о присоединеніи Польскихъ областей къ Рос-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII, 30 октября 1794 г. № 17264, стр. 581.

[2]) Полное Собраніе Законовъ т. XXIII 1793 г.; 27 марта № 17108.

[3]) Полное Собраніе Законовъ т. XXIII, 23 апрѣля 1793 г. № 17112.

[4]) Полное Собраніе Законовъ т. XXIII 1795 г. № 17418.

сіи [1]) между прочимъ сказано: «имѣютъ всѣ и каждый, начиная отъ знатнѣйшаго Дворянства, чиновниковъ и до послѣдняго, кому надлежитъ, учинить въ теченіе мѣсяца торжественную присягу въ вѣрности, при свидѣтельствѣ опредѣленныхъ отъ меня къ тому нарочныхъ людей».

«Если же кто изъ дворянства и изъ другого состоянія, владѣющій недвижимымъ имѣніемъ, небрежа о собственномъ своемъ благополучіи, не захочетъ присягать, тому дозволяется на продажу недвижимаго своего имѣнія и добровольный выѣздъ внѣ границы, трехъ-мѣсячный срокъ, по прошествіи котораго все оставшееся имѣніе его секвестровано и въ казну взято быть имѣетъ».

Засимъ въ Конвенціи 15 января 1797 г. заключенной между Россіей, Пруссіею и Австріею [2]) между прочимъ было установлено, что «собственности всѣхъ подданныхъ трехъ Дворовъ (Россіи, Пруссіи и Австріи) долженствуютъ неотмѣнно возвратиться въ распоряженіе общаго права» (ст. VII Конвенціи).

---

[1]) Полное Собраніе Закон. т. XXIII № 17103 стр. 412.

[2]) Полн. Собр. Закон. Росс. Имп. т. XXIV № 17736.

Затѣмъ по ст. XI упомянутой Конвенціи было предоставлено всѣмъ владѣльцамъ земель, расположенныхъ въ бывшемъ Польскомъ Государствѣ, избрать въ теченіи пяти лѣтъ, по своему усмотрѣнію, то Государство, въ подданство котораго они желаютъ поступить и послѣ этого записавшіеся въ подданство одного Государства должны будутъ въ теченіе пяти лѣтъ продать или обмѣнять принадлежащія имъ недвижимыя имѣнія «внѣ того Государства, которое они изберутъ себѣ для житія» (ст. XII Конвенціи).

Приведенныя только что постановленія не вполнѣ согласныя съ тѣмъ общимъ правомъ, о которыхъ упомянуто въ ст. VII Конвенціи 1797 г., въ силу котораго, какъ это изложено выше, «Польскій обыватель» (такъ именовался въ Конституціяхъ гражданинъ Польши) имѣлъ право владѣть землею на всемъ пространствѣ бывшаго Польскаго Государства, т. е. на всѣхъ земляхъ, входившихъ въ его составъ, а затѣмъ перешедшихъ по раздѣламъ къ Россіи, Пруссіи и Австріи, не было, въ сущности говоря, строго исполняемо и вскорѣ было кореннымъ образомъ измѣнено, отмѣнено въ законодательномъ порядкѣ.

Въ Полномъ Собраніи Законовъ т. XXIX № 22584 напечатанъ Манифестъ о заключеніи мира съ Французскою Имперіею съ приложеніемъ трактата между Россіею и Франціею, заключеннаго въ Тильзитѣ 1807 г. $\frac{\text{іюня 25}}{\text{іюля 7}}$ дня, въ которомъ, между прочимъ, было установлено, что никто, какого бы онъ состоянія или званія не былъ, изъ имѣющихъ осѣдлость или собственность въ областяхъ, входившихъ въ бывшее Королевство Польское, имѣющихъ въ Россіи недвижимыя имѣнія... «не будетъ наказанъ ни лично, ни отобраніемъ отъ него имѣній движимыхъ или недвижимыхъ... за участіе, какое могъ онъ имѣть въ настоящую войну по дѣламъ военнымъ или политическимъ».

Изъ приведенной только что цитаты изъ Тильзитскаго трактата видно, что въ то время (1807 г.) и Поляки не состоявшіе подданными Россіи тоже владѣли въ Россіи по праву недвижимыми имѣніями. Такое право Поляковъ и не подданныхъ Россіи, а подданныхъ Австріи и Пруссіи, ясно признано за ними еще трактатомъ, заключеннымъ въ Вѣнѣ $\frac{\text{21 апрѣля}}{\text{3 мая}}$ 1815 г. Императоромъ Всероссійскимъ и Императоромъ Австрійскимъ и Коро-

лемъ Прусскимъ «Объ утвержденіи благосостоянія поляковъ»[1]), а также заключеннымъ тогда же въ Вѣнѣ трактатомъ между Императоромъ Всероссійскимъ и Королемъ Прусскимъ «О распоряженіяхъ относящихся къ Герцогству Варшавскому»[2]).

Трактаты эти, какъ это прямо въ нихъ сказано, въ особенности во вступленіи въ первомъ изъ этихъ трактатовъ, были заключены въ цѣляхъ утвердить благосостояніе Поляковъ во всѣхъ областяхъ и округахъ, составлявшихъ прежде Королевство Польское.

Трактатами этими санкціонируется понятіе обоюдныхъ подданныхъ (Sujet mixte). Въ ст. X перваго изъ вышесказанныхъ трактатовъ буквально сказано: «права обоюдныхъ подданныхъ (Sujet mixte) въ отношеніи къ собственности, будутъ признаны и обезпечены» и затѣмъ устанавливается, что «всякій имѣющій помѣстья не въ одномъ Государствѣ, обязанъ въ теченіе года, считая со дня ратификаціи сего трактата, объявить письменно

[1]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. т. XXXIII № 25824.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XXXIII № 25827.

начальству ближняго города, или исправнику сосѣдственной округи, или другимъ гражданскимъ властямъ, находящимся въ ближайшей къ нему части той земли, которую онъ избираетъ для своего постояннаго жительства, о намѣреніи его навсегда въ оной поселиться. Въ силу сего объявленія, которое вышеозначеннымъ городовымъ или инымъ начальствомъ должно быть препровождено къ Главному Областному Правленію, онъ самъ лично и семейство его дѣлаются исключительно подданными того Государства, владѣнія коего онъ избралъ мѣстомъ своего постояннаго жительства» (ст. XI Трактата). Далѣе установлено, что «Если кто изъ обоюдныхъ помѣщиковъ, до истеченія предписаннаго годового срока не подастъ объявленія о мѣстѣ своего постояннаго жительства, то онъ будетъ признанъ подданнымъ той Державы, вовладѣніяхъ коей имѣлъ пребываніе въ послѣднее предъ тѣмъ время; ибо въ семъ случаѣ самое молчаніе его должно быть почитаемо за нѣкоторый родъ объявленія» (ст. XIII). Затѣмъ установлено, что «Обоюдные помѣщики, объявившіе о мѣстѣ своего жительства, будутъ, однако же въ теченіе восьми лѣтъ, считая со дня рати-

фикаціи сего Трактата, пользоваться свободою перейти въ другое Государство, учинивъ только новое объявленіе о избираемомъ ими мѣстѣ жительства и представя доказательства въ соизволеніи той Державы, во владѣніяхъ коей они желаютъ поселиться» (ст. XIV). Далѣе установлено, что «Обоюдный помѣщикъ, учинившій объявленіе о жительствѣ, или, сообразно съ постановленіями статьи XIII, почитаемый за учинившаго оное ни въ какое время не будетъ принуждаемъ къ продажѣ имѣнія, находящагося во владѣніяхъ Государя, коего онъ не есть личный подданный; онъ будетъ въ разсужденіи сей собственности пользоваться всѣми правами, со владѣніемъ оной сопряженными; получаемые съ оной доходы можетъ издерживать въ той землѣ, гдѣ назначилъ для себя мѣсто жительства, не подвергаясь никакому учету за вывозъ оныхъ, можетъ продать сіи имущества и вывезти вырученную за нихъ сумму также безъ всякаго задержанія или вычета» (ст. XV).

Наконецъ установлено, что «Если имѣющему нынѣ собственность въ одномъ только Государствѣ достанется по наслѣдству, завѣщанію, дарственной записи, или вслѣдствіе брака, имѣніе, находящееся въ другой Державѣ, то и онъ будетъ почитаемъ обоюднымъ подданнымъ и обязанъ, какъ прочіе, учинить въ предписанный срокъ объявленіе о мѣстѣ постояннаго своего жительства. Но для него срочный годъ начнется съ того дня, въ который онъ представитъ законное свидѣтельство о полученіи своего новаго имѣнія».

Приведенныя выше постановленія трактата «объ утвержденіи благосостоянія Поляковъ» повторены буквально и во второмъ указанномъ выше трактатѣ, а именно въ статьяхъ VIII, IX, XI, XII, XIII и XVI Трактата «о распоряженіяхъ относящихся къ Герцогству Варшавскому», и эти законы никакимъ закономъ не были отмѣнены, а потому, въ силу общихъ юридическихъ принциповъ и русскихъ основныхъ Государственныхъ Законовъ, должны и по нынѣ имѣть силу и значеніе.

Трактаты, устанавливающіе извѣстныя права въ отношеніи договаривающихся Державъ и въ отношеніи ихъ подданныхъ, это спеціальные, въ отношеніи ихъ, законы, которые должны имѣть силу до тѣхъ поръ, пока не наступятъ тѣ обстоятельства, которые прямо въ нихъ указаны, какъ прекращающіе ихъ силу, или же пока трактаты эти не будутъ отмѣнены въ силу спеціальнаго на то новаго трактата, новаго соотвѣтственнаго закона.

Положеніе это истекаетъ изъ статей 72 и 73 основныхъ Русскихъ Законовъ по изд. 1857 и 1892 г. и ясно выражены въ ст. 94 т. 1 ч. 1 изд. 1906 г., въ которой буквально прописано, что «Законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ только силою закона. Посему, доколѣ новымъ закономъ положительно не отмѣненъ законъ существующій, онъ сохраняетъ полную свою силу».

Въ силу приведенныхъ выше постановленій, трактата 1815 г., Поляки, австрійскіе и прусскіе подданные, имѣли право владѣть недвижимыми имѣніями въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя по раздѣлу Польши перешли къ Россіи, каковыя постановленія до сихъ поръ не были отмѣнены ни-

какимъ закономъ и каковой отмѣны не заключается ни прямо, ни косвенно даже въ вышеупомянутомъ законѣ 2 февраля 1915 г., а потому выводить противоположное заключеніе изъ смысла якобы закона 2 февраля 1915 г. было бы нарушеніемъ основныхъ Законовъ и, какъ это изложено нами выше, нарушеніемъ закона о толкованіи ограничительныхъ законовъ.

Такой выводъ сталъ бы, какъ это выяснено въ этой нашей статьѣ, въ явное противорѣчіе взглядамъ за послѣднее время высшаго Правительства на Русско-Польскія отношенія, а также и историческому развитію Русскаго Законодательства по отношенію къ землевладѣнію въ Россіи иностранцевъ вообще и иностранцевъ польской національности.

Еще въ августѣ 1914 года съ высоты престола былъ высказанъ такой взглядъ на Русско-Польскія отношенія, который не допускалъ даже и мысли о новыхъ ограниченіяхъ поляковъ, Польскаго народа.

Тогда ВЫСОЧАЙШЕ было повелѣно выразить всѣмъ жителямъ Царства Польскаго ВЫСОЧАЙШУЮ благодарность за проявленное ими въ настоящее тяжелое

для Государства время непоколебимую любовь и преданность для ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Россіи [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ телеграммѣ Верховнаго Главнокомандующаго отъ 14 августа 1914 г. было изложено, что Поляки, какъ подданные Россіи, такъ Германіи и Австріи, будутъ подъ спеціальною охраною Русской Арміи и Правительства въ отношеніи обезпеченія ихъ личной и имущественной безопасности [2]).

Понятно изложенному только что взгляду немогъ бы соотвѣтствовать законъ 2 февраля 1915 г. если бы таковой былъ изданъ нетолько противъ подданныхъ австрійскихъ и прусскихъ вообще, но и противъ поляковъ прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ, и толкованіе его въ такомъ именно смыслѣ противорѣчило бы создавшимся отношеніямъ и истинному намѣренію Верховной власти.

Такое толкованіе противорѣчитъ и историческому развитію законодательства объ иностранныхъ подданныхъ

---

[1]) Livre irisé des Polonais. Recueil des documents non-diplomatiques du 8 août jusqu'au 4 avril 1915, Varsovie, стр. 14.

[2]) Тамъ же стр. 12. «Les Polonais. sujets russes, aussi bien que ceux de l'Allemagne et de l'Autriche, qui auront prouve leur loyautè, seront mis sous la protection particulière de notre armée et de notre gouvernement dans le sens de la sauvegarde de leurs personnes et leurs biens devant toute violence».

вообще и объ иностранныхъ подданныхъ Польской національности.

Первоначально въ Россіи Австрійскіе и Прусскіе подданные вообще, т. е. не Польской національности, не имѣли прежде права владѣнія населенными землями. Затѣмъ права на полученіе населенныхъ земель въ собственность въ бывшихъ Польскихъ земляхъ, отошедшихъ къ Россіи, Австрійскіе и Прусскіе подданные, не Поляки, получили лишь въ 1860 году въ силу закона 3 іюня 1860 г. (Ст. 1003 т. IX Св. Зак. изд. 1876 г.). [1]). уничтожившаго ограниченіе въ Россіи правъ по землевладѣнію въ силу сословной принадлежности.

Такимъ образомъ въ Россіи и въ Русскомъ законодательствѣ до 3 іюня 1860 г. существовала большая разница въ отношеніи правъ по землевладѣнію между подданными Австрійскими и Прусскими съ одной стороны Польскаго, а съ другой стороны не польскаго происхожденія. Австрійскіе и Прусскіе подданные, Польской народности, имѣли право владѣнія населенными имѣніями въ Россіи, а Австрійскіе и Прусскіе под-

[1]) Полн. Собр. Зак. 1860 г., № 35880.

данные другихъ, чѣмъ Польская, народностей, этого права не имѣли.

Закономъ 3 іюня 1860 г. повидимому упомянутыя разницы уничтожаются, ибо въ законѣ 3 іюня 1860 г. объ категоріи упомянутыхъ Австрійскихъ и Прусскихъ подданныхъ сравниваются въ правѣ владѣть землею въ Россіи, но въ принципѣ различіе двухъ упомянутыхъ выше категорій всетаки продолжаетъ существовать, что видно изъ нижеизложеннаго.

Когда 10 декабря 1865 г. изданъ былъ законъ [1]) «О воспрещеніи лицамъ Польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ девяти Западныхъ губерніяхъ», то Австрійскіе и Прусскіе подданные Польской національности были, какъ поляки, подведены подъ упомянутый законъ, т. е. на нихъ было распространено ограниченіе установленное этимъ закономъ, а Австрійскіе и Прусскіе подданные не польской національности, въ особенности нѣмцы, не были подведены подъ этотъ (10 декабря 1865 г), законъ. Такова была не только административная практика, но такъ именно смотрѣла

[1]) Полное Собраніе Законовъ Рос. Имп. т. XL № 42759.

на разсматриваемый вопросъ и законодательная власть. Когда послѣ изданія закона 10 декабря 1865 г. о воспрещеніи лицамъ Польскаго происхожденія пріобрѣтать въ Западномъ Краѣ помѣщичьи имѣнія, возникалъ вопросъ о желаніи купить таковыя Австрійскими и Прусскими подданными Польской національности, то для этого требовалось ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе, какъ изъятіе изъ вышеупомянутаго закона 10 декабря 1865 г., каковыя изъятія и были даваемы, напримѣръ въ 1870 г. воспослѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе въ пользу Прусскихъ подданныхъ, Поляковъ Князей Вильгельма и Богуслава Радзивилловъ и 6/18 іюня 1871 г. въ пользу тоже Прусскихъ подданныхъ, Поляковъ Князей Антона и Фердинанда Радзивилловъ. Покупки же недвижимыхъ имѣній въ Западномъ Краѣ Австрійскими и Прусскими подданными, нѣмецкой національности, происходили безъ особыхъ на то ВЫСОЧАЙШИХЪ соизволеній.

Затѣмъ когда 27 декабря 1884 г. [1]) былъ изданъ новый ограничительный законъ по отношенію къ правамъ Поляковъ по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ и притомъ

[1]) Полное Собр. Зак. 1884 г. № 2633.

было постановлено признать недѣйствительными всѣ ВЫСОЧАЙШІЯ разрѣшенія на изъятія изъ подъ закона 10 декабря 1865 г. о воспрещеніи лицамъ Польскаго происхожденія пріобрѣтать имѣнія въ Западномъ Краѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ были признаны утратившими дальнѣйшее значеніе и приведенныя выше ВЫСОЧАЙШІЯ разрѣшенія въ пользу Князей Радзивилловъ, хотя прусскихъ подданныхъ, но Поляковъ.

Все изложенное должно, по нашему мнѣнію, убѣдить въ томъ, что основаніе для выясненія правъ и ограниченій въ правахъ Поляковъ, подданныхъ австрійскихъ и прусскихъ, по владѣнію землями, входившими въ составъ б. Польскаго Государства, а нынѣ принадлежащими къ Россіи, нужно искать въ законоположеніяхъ о Полякахъ, а не объ иностранцахъ если на послѣднее нѣтъ указанія въ законоположеніяхъ объ иностранцахъ. Права и обязанности, ограниченія правъ, должны всегда находиться въ извѣстномъ соотношеніи. Если не было признано того, что законъ о предоставленіи иностранцамъ извѣстныхъ правъ по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ далъ иностранцамъ Полякамъ тѣ права, какихъ

были лишены Поляки Русскіе подданные, потому что въ этомъ законѣ объ этомъ ничего не было сказано, то равнымъ образомъ слѣдуетъ сказать, что законъ объ ограниченіи подданныхъ австрійскихъ и германскихъ по землевладѣнію въ Россіи, коль скоро въ немъ прямо не сказано, что онъ распространяется и на австрійскихъ и германскихъ подданныхъ Польской народности не можетъ, согласно общему духу права и Сенатской практикѣ (рѣш. Гр. К. Д. Пр. С., 1900, № 9, 1884 г. № 59 и др.), быть толкуемъ въ смыслѣ распространенія этого закона 2 февраля 1915 года и на Поляковъ, подданныхъ австрійскихъ и германскихъ.

Правильность этого взгляда можно установить еще и разсмотрѣніемъ такового въ соотношеніи его къ одному спеціальному виду землевладѣнія Поляковъ, австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ, въ бывшихъ земляхъ Польскаго Государства, вошедшихъ послѣ въ составъ Россіи, а именно по землевладѣнію на правѣ Ординацкомъ. Такія Ординаціи создались еще до раздѣловъ Польши, на основаніи дѣйствовавшихъ въ то время тамъ Польскихъ законовъ, а потому обязательныхъ для

нихъ. По этимъ законамъ, согласно общимъ принципамъ права и статьѣ 4 Закона 1840 г., должны быть разсматриваемы и отношенія изъ нихъ возникшія.

Однимъ изъ типичныхъ видовъ такихъ Ординацій, есть Ординація Князей Радзивилловъ, а потому спеціально въ отношеніи этой Ординаціи мы разсмотрѣли вопросъ о примѣненіи къ Польскимъ Ординаціямъ вышеупомянутаго закона 2 февраля 1915 г., тѣмъ болѣе, что и къ ней Волынское Губернское Правленіе примѣнило упомянутый только что законъ 2 февраля 1915 г.

По договору, заключенному 16-го августа 1586 года между тремя братьями Кн. Радзивиллами, принадлежавшія имъ въ бывшемъ Великомъ Кнѣжествѣ Литовскомъ (нынѣ Сѣверо-западныя и Юго-Западныя губерніи) имѣнія были обращены въ Ординаціи, съ установленіемъ безусловно обязательнаго правила о томъ, что Ординаціи эти, съ цѣлью сохраненія ихъ навсегда въ родѣ Князей Радзивилловъ, должны переходить исключительно въ ихъ мужское поколѣніе.

Упомянутый договоръ Кн. Радзивилловъ, такъ называемый Учредительный актъ, былъ утвержденъ на вѣч-

ныя времена 10 декабря 1586 года Грамотою Короля Польскаго Стефана и затѣмъ былъ подтвержденъ Конституціею Варшавскаго Сейма въ 1589 г. въ царствованіе Короля Сигизмунда III [1]), и затѣмъ былъ вновь подтвержденъ Конституціею Великаго Княжества Литовскаго въ 1768 г. въ царствованіе Короля Польскаго Станислава Августа, при чемъ прямо было тамъ сказано, что приведенное правило о владѣніи рода Кн. Рядзивилловъ, принадлежащими имъ имѣніями, слѣдуетъ считать на вѣчныя времена какъ неперемѣняемый законъ (pro immutabile lege) [2]).

Приведенные Учредительный актъ и утвердившія его Королевская Грамота и Сеймовыя Конституціи никогда не были отмѣнены и составляютъ спеціальный законъ для нормированія имущественныхъ отношеній членовъ рода Князей Раздивилловъ по вопросу о владѣніи и наслѣдованіи въ имѣніяхъ, входящихъ въ составъ ихъ Ординаціи, и, согласно имъ, должны обсуждаться, въ этомъ отношеніи, и права Князей Радзивилловъ. (Ст. 72, т. I, ч. 1, Свод. Зак. изд. 1892 г.).

[1]) Volumina Legum, т. 2 стр. 288, ст. 82 f. 1284 tit. conf. postanowienia.
[2]) Volumina Legum, т. 2 стр. 400, f. 862 tit. Reasumptja Konstytucji.

Подтвержденіемъ этого взгляда, сверхъ общихъ принциповъ права, можетъ служить ст. 4 закона 25 іюля 1840 г. о введеніи въ Западномъ краѣ общихъ РОССІЙСКИХЪ узаконеній[1]), въ которой сказано, что законность и силу акта или документа слѣдуетъ опредѣлять по законамъ, имѣвшимъ дѣйствіе во время составленія того акта и документа, а также ст. 70—73 Осн. Гос. Зак. т. 1 ч. 1 св. Зак., изд. 1892 г.

Установленный вышеупомянутымъ учредительнымъ актомъ 16 августа 1586 г. порядокъ преемственности правъ на Ординацкія имѣнія Князей Радзивилловъ не только никогда не былъ отмѣненъ, но былъ даже впослѣдствіи санкціонированъ ВЫСОЧАЙШИМИ повелѣніями блаженной памяти ГОСУДАРЕЙ ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА I-го, НИКОЛАЯ I-го и АЛЕКСАНДРА II и признавался въ русскихъ судебныхъ рѣшеніяхъ.

Изъ ВЫСОЧАЙШИХЪ повелѣній можно указать на нижеслѣдующія, вошедшія даже въ Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. И такъ: ВЫСО-

[1]) Полное Собр. Законовъ № 13591.

ЧАЙШИМЪ повелѣніемъ 24-го февраля 1814 г. [1]), къ имѣніямъ Князя Доминика Радзивилла, былъ признанъ наслѣдникомъ Князь Антонъ Радзивиллъ, состоявшій въ Прусскомъ подданствѣ, а для разсмотрѣнія и приведенія въ извѣстность долговъ, обременявшихъ Ординацкія имѣнія, повелѣно было учредить особую, такъ называемую, Радзивилловскую Коммиссію, на которую, между прочимъ, была возложена и обязанность охранять Ординацкія права отъ всякаго рода, вопреки учредительному акту 1586 г., нарушеній.

Далѣе, Именнымъ ВЫСОЧАЙШИМЪ указомъ 23 января 1875 г. [2]) ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ повелѣно было, находившіяся во владѣніи Князя Льва Радзивилла, на основаніи акта 1586 г., имѣнія, входящія въ составъ Клетской и Давидгродской Ординаціи, а равно и другія, передать Князю Антону Радзивиллу.

Наконецъ, когда въ 1875 г. между Князьями Радзивиллами, прусскими подданными, воспослѣдовало соглашеніе о раздѣлѣ между ними ихъ Ординацкихъ

---

[1]) Полное Собр. Закон. № 25539.

[2]) Собр. Указ. и распор. Прав. за 1875 г. № 18. ст. 236.

имѣній, расположенныхъ въ предѣлахъ Россіи, и о томъ, при участіи всѣхъ членовъ семейства Князей Радзивилловъ, былъ составленъ 3-го февраля 1875 г. въ С.-Петербургѣ проектъ раздѣла Ординацкихъ имѣній, то таковой проектъ раздѣла былъ представленъ на ВЫСОЧАЙШЕЕ усмотрѣніе и 6 февраля 1875 г. воспослѣдовало на этотъ раздѣлъ ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволѣніе, и такимъ путемъ по упомянутому раздѣлу Несвижская Ординація (Минской губерніи) досталась Князю Антону Радзивиллу а Олыцкая Ординація (Волынской губерніи) досталась Князю Фердинанду Радзивиллу, прусскому подданному, владѣющему ею и понынѣ.

Такимъ путемъ Князь Фердинандъ Радзивиллъ сдѣлался владѣльцемъ Олыкской Ординаціи, расположенной въ Россіи, въ Волынской губ. Князь Фердинандъ Радзивиллъ состоялъ и состоитъ прусскимъ подданнымъ, но таковымъ онъ состоитъ и состоялъ не въ силу своего, либо своихъ предковъ, желанія, а, какъ это изложено ниже, вслѣдствіе политическихъ событій и притомъ даже вопреки естественнаго хода вещей, въ силу коего всѣ члены рода Кн. Радзивилловъ, какъ стариннаго рода

Литовскаго, съ присоединеніемъ Литвы къ Россіи, должны были бы сдѣлаться и оставаться Русскими подданными и большинство которыхъ и нынѣ остается таковыми.

Причина же, почему Князь Фердинандъ Радзивиллъ, состоялъ Прусскимъ, а не Русскимъ подданнымъ, заключается въ слѣдующемъ.

Во время третьяго раздѣла Польши, Кн. Михаилъ Радзивиллъ имѣлъ имѣнія и жилъ въ той части Польши, которая по раздѣлу перешла къ Пруссіи и вслѣдствіе этого Кн. Михаилъ Радзивиллъ, хотя владѣлъ недвижимымъ имѣніемъ и въ Литвѣ, очутился, въ силу историческихъ обстоятельствъ, прусскимъ подданнымъ. Затѣмъ въ 1807 г. упомянутая выше мѣстность составила Варшавское Герцогство и перешла къ Россіи, въ подданство которой и перешелъ тогда Кн. Михаилъ Радзивиллъ, но сынъ его, Кн. Антонъ Радзивиллъ, владѣя въ то время, на правѣ собственности, недвижимымъ имѣніемъ въ Княжествѣ Познанскомъ, остался прусскимъ подданнымъ. Затѣмъ, когда въ 1813 г. умеръ тогдашній владѣлецъ Несвижскій, Олыкской и Мирской Ординаціи, Кн. Доминикъ Радзивиллъ,

то таковыя, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію отъ 24-го февраля 1814 г., были утверждены за Кн. Антономъ Радзивилломъ, который такимъ образомъ, какъ владѣлецъ недвижимыхъ имѣній въ Княжествѣ Познанскомъ и въ Литовскихъ губерніяхъ, оказался по Вѣнскому трактату, въ положеніи обоюднаго подданнаго.

Сопоставляя изложенныя выше обстоятельства и приведенные учредительный актъ 1586 г. объ имѣніяхъ Кн. Радзивилловъ, постановленія Сеймовыхъ Конституцій и ВЫСОЧАЙШІЯ повелѣнія, которыя, за силою 70—73 ст. Осн. Гос. Зак. т. I ч. 1 изд. 1892 г., составляютъ законъ для нормированія имущественныхъ отношеній Кн. Радзивилловъ по владѣнію ими Ординаціями, съ дѣйствующимъ въ Россіи закономъ о землевладѣніи въ Западномъ краѣ, какъ лицъ Польскаго происхожденія, такъ и иностранцевъ, очевиднымъ окажется, что когда въ Россіи существовалъ законъ о томъ, что иностранцы не имѣли права владѣть населенными имѣніями, то Кн. Радзивиллы, принадлежащіе, такъ сказать, къ обоюднымъ подданнымъ, все-таки имѣли право владѣть такими имѣніями и владѣли ими, и когда 10 декабря

1865 г. было издано ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе о воспрещеніи лицамъ Польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ Западномъ Краѣ, каковое ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе нисколько не имѣло своею цѣлью стѣснять права владѣнія землею тогдашнихъ ихъ собственниковъ и ихъ законныхъ наслѣдниковъ [1]), то закономъ этимъ право владѣнія Кн. Радзивилловъ, принадлежащими имъ Ординаціями, и право наслѣдованія ихъ въ таковыхъ, нисколько не видоизмѣнилось, а только они, Кн. Радзивиллы, наравнѣ съ остальными лицами Польскаго происхожденія, были лишены права вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ Западномъ краѣ; каковое, однако, право впослѣдствіи, ВЫСОЧАЙШИМИ повелѣніями было даровано въ 1870 г. Кн. Вильгельму и Богуславу Радзивилламъ (прусскимъ подданнымъ) и 6-18 іюня 1871 г. Кн. Антону Радзивиллу (прусскому подданному), а затѣмъ, послѣ изданія ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 27-го декабря 1884 г. [2]). ВЫСОЧАЙШЕ

---

[1]) Высоч. утв. Мн. Гос. Совѣта 1877 г. по дѣлу Войниловича. Собр. Узак. и рас. Прав. № 66 ст. 748.

[2]) Собр. уз. и расп. Пр. № 4, 1 отд. 1885 г.

дарованныя Кн. Радзивилламъ изъятія изъ закона 10 декабря 1865 г., наравнѣ съ изъятіями ВЫСОЧАЙШЕ дарованными и другимъ лицамъ, были отмѣнены и права Кн. Радзивилловъ на пріобрѣтеніе вновь недвижимыхъ имѣній въ Западномъ краѣ были, въ этомъ отношеніи, сравнены съ правами всѣхъ вообще лицъ Польскаго происхожденія.

Однако законъ 27 декабря 1884 г., а также и послѣдующіе законы нисколько не касались вопроса о правѣ владѣнія и наслѣдованія Кн. Радзивилловъ Ординацкими имѣніями.

Наконецъ законъ 14 марта 1887 г. объ иностранцахъ [1]), изданный для осуществленія въ западной полосѣ Россіи извѣстной, преслѣдуемой Правительствомъ, политической цѣли, нисколько не имѣлъ въ виду и не касался лицъ Польскаго происхожденія вообще и въ частности, такъ называемыхъ обоюдныхъ подданныхъ, которыхъ, въ силу ихъ происхожденія, и только въ этомъ смыслѣ, касались законы 10 декабря 1865 г. [2]) и 27 декабря

---

[1]) Собр. уз. и расп. Прав. № 43—1887 г.

[1]) Полн. Собр. Зак. 1865 г. Т. X. № 42759.

1884 г.; законъ же 14 марта 1887 г. касается только иностранцевъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и въ особенности нѣмцевъ, но не поляковъ иностранныхъ подданныхъ, которыхъ, какъ это указано выше, касались ограничительные законы о Полякахъ.

Изъ изложеннаго выше видно, что въ отношеніи къ вопросу о владѣніи и новомъ пріобрѣтеніи недвижимыхъ имѣній, права тѣхъ Кн. Радзивилловъ, которые состояли и состоятъ въ прусскомъ подданствѣ, разсматривались всегда не съ точки зрѣнія правъ иностранцевъ, а съ точки зрѣнія правъ лицъ Польскаго происхожденія.

Въ то время, когда иностранцы не могли владѣть населенными имѣніями (при существованіи въ Россіи крѣпостного права), то тѣ Кн. Радзивиллы, которые состояли прусскими подданными, все-таки владѣли таковыми; затѣмъ, когда съ отмѣною въ Россіи крѣпостного состоянія, иностранцы пріобрѣли право пріобрѣтать въ Россіи недвижимыя имѣнія, а съ изданіемъ закона 10 декабря 1865 г., лица польскаго происхожденія потеряли право вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ Западномъ краѣ, то изъятіе Кн. Радзивилловъ, состоявшихъ

въ прусскомъ подданствѣ, изъ подъ дѣйствія закона 10 декабря 1865 г. могло воспослѣдовать и воспослѣдовало только въ силу спеціальнаго о томъ ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія и нисколько не вслѣдствіе того, что съ освобожденіемъ крестьянъ иностранцы получили право на свободное пріобрѣтеніе во всей Россіи недвижимыхъ имѣній. Отсюда логическій выводъ тотъ, что законъ 14 марта 1887 г. объ иностранцахъ не касался иностранцевъ польской народности, такъ называемыхъ обоюдныхъ подданныхъ (sujet mixte).

При такомъ историческомъ ходѣ законоположеній какъ объ учрежденіи Радзивилловскихъ Ординацій, такъ и о землевладѣніи Поляковъ и иностранцевъ въ Россіи, а также при изложенномъ ходѣ вопроса о принадлежности членовъ рода Кн. Радзивилловъ къ различному подданству, необходимо прійти къ слѣдующимъ выводамъ, основаннымъ какъ на фактическихъ обстоятельствахъ дѣла, такъ и на строгомъ смыслѣ законовъ:

1) Права объ иностранцахъ по вопросу о владѣніи и наслѣдованіи недвижимыми имѣніями въ Россіи на иностранцевъ поляковъ не распространяются.

2) Права объ иностранцахъ, по вопросу о владѣніи и наслѣдованіи Кн. Радзивилловъ ихъ Ординаціями, на Кн. Радзивилловъ не распространяются и вопросы о владѣніи Кн. Радзивиллами ихъ Ординаціями, и о порядкѣ наслѣдованія въ таковыхъ, всецѣло должны, за силою ст. 70—73 Осн. Гос. Зак., т. I, ч. 1, изд. 1857 г., обсуждаться на основаніи вышеприведеннаго учредительнаго акта 1586 г. и приведенныхъ выше спеціальныхъ, касающихся рода Кн. Радзивилловъ, Сеймовыхъ конституцій и ВЫСОЧАЙШИХЪ повелѣній, какъ составляющихъ для данныхъ отношеній спеціальный законъ.

и 3) вышеупомянутый законъ 2 февраля 1915 г. ни къ Полякамъ австрійскимъ и германскимъ подданнымъ вообще, ни тѣмъ болѣе къ такимъ Полякамъ, владѣющимъ имѣніями на Ординацкомъ правѣ, не относится.

Выясненіе всего хода законодательства о правахъ Поляковъ вообще по землевладѣнію въ мѣстностяхъ, входившихъ въ составъ бывшаго Польскаго Государства, а нынѣ входящихъ въ составъ Россійскаго Государства, а также—поляковъ австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ, и сопоставленіе всего этого съ точными словами

и смысломъ закона о землевладѣніи и землепользованіи въ Государствѣ Россійскомъ австрійскихъ, венгерскихъ, германскихъ или турецкихъ подданныхъ [1]) и всѣми бытовыми обстоятельствами, должно привести къ тому несомнѣнно правильному заключенію, что законъ этотъ не относится ни къ полякамъ, прусскимъ и австрійскимъ подданнымъ вообще, ни, тѣмъ болѣе, къ владѣющимъ на Ординацкомъ правѣ, а относится только къ австрійскимъ и германскимъ подданнымъ нѣмецкой національности.

Правильность и, скажемъ больше, справедливость такого вывода подтверждается:

1) тѣмъ, что въ законѣ 2 февраля 1915 г. нѣтъ нетолько прямого указанія, но даже и намека на то, чтобы онъ касался и поляковъ австрійскихъ и германскихъ подданныхъ, а между тѣмъ, въ случаѣ желанія законодателя и на послѣднихъ распространить этотъ законъ—это, въ виду самаго хода дѣла по вопросу о правахъ поляковъ чуже-подданныхъ и вообще иностранцевъ, должно было бы подлежать прямому и точному установленію въ самомъ законѣ;

---

[1]) Собраніе Узак. и Расп. Пр., отд. I, за 1915 г., № 39, ст. 349.

2) законъ 2 февраля 1915 г. это законъ не юридическій а, такъ сказать, бытовой, политическій.

Этимъ закономъ, законодатель хотѣлъ, такъ сказать, ослабить у себя, а въ особенности на окраинахъ Государства, силу и значеніе того элемента, который онъ считаетъ для Россіи опаснымъ и съ которымъ нынѣ воюетъ германство.

Если къ тому прибавить, что война со стороны союза Россіи, Франціи, Англіи и Италіи ведется во имя интересовъ славянства и вообще небольшихъ народностей то, съ точки зрѣнія бытовой и политической, не могъ въ настоящее время быть изданнымъ въ Россіи такой законъ, который вызывалъ бы, безъ всякой пользы для Россіи, неудовольствіе среди поляковъ и безъ всякой пользы для Россіи, а скажемъ больше, во вредъ Россіи, ослаблялъ бы Польскій Народъ.

Такъ этотъ вопросъ на дѣлѣ понимаютъ и разрѣшили союзники Россіи: Франція, Англія и Италія. Во Франціи декретомъ президента Французской республики отъ 27 сентября 1914 г. и Циркуляромъ Министра Юстиціи отъ 18 ноября 1914 г., изданными въ Бордо, изъемлются и осво-

бождаются отъ стѣсненій, установленныхъ вслѣдствіе войны, въ отношеніи австрійскихъ и германскихъ подданныхъ, подданные послѣднихъ государствъ Эльзатчики, Лотарингцы, Поляки и Чехи.

Тоже самое начало высказано въ Англіи декретомъ англійскаго Короля 5 августа 1914 г. № 1252, 6 сентября 1914 г. № 1254, 9 сентября 1914 г., № 1376 и 8 октября 1914 г. № 1479.

Наконецъ, въ Италіи воспослѣдовалъ декретъ Намѣстника Короля о томъ, что ограниченія, установленныя въ отношеніи австрійскихъ подданныхъ, не должны касаться подданныхъ австрійскихъ Итальянской и Славянской народностей.

Въ виду этого и такъ какъ нельзя допустить и мысли о томъ, чтобы Франція, Англія и Италія относились къ Полякамъ прусскимъ и австрійскимъ подданнымъ лучше чѣмъ Россія, то, по нашему мнѣнію, недолжно подлежать никакому сомнѣнію, что къ Полякамъ прусскимъ и австрійскимъ подданнымъ законъ 2 февраля 1915 г. не имѣетъ никакого отношенія и не долженъ быть распространенъ на нихъ.

Если къ этому прибавить что, какъ это прямо сказано въ Гаагской Конференціи [1]), государства воюютъ съ государствами, а не съ подданными ихъ, и принять во вниманіе, что не въ интересахъ Россіи заявлять хотя бы тѣнь недоброжелательства къ польскому народу вообще, то нужно признать, что при изданіи, вышеупомянутаго закона 2 февраля 1915 г. не было и не могло быть и мысли о томъ, чтобы его дѣйствія распространить на Поляковъ подданныхъ австрійскихъ и прусскихъ;

и 3) одновременно съ разсматриваемыхъ закономъ издавался законъ «о землевладѣніи и землепользованіи нѣкоторыхъ разрядовъ состоящихъ въ Русскомъ подданствѣ австрійскихъ, венгерскихъ или германскихъ выходцевъ [2]) и законъ о прекращеніи землевладѣнія и землепользованія австрійскихъ, венгерскихъ или германскихъ выходцевъ въ приграничныхъ мѣстностяхъ [3]), въ числѣ каковыхъ могли быть и лица Польскаго происхожденія, которые при томъ, вслѣдствіе своей близости

---

[1]) Ст. 1 и 2 п., «3» ст., 23 приложенія къ Гаагской Конференціи. Собр. Уз. и расп. Правительства 24 мая 1910 г., отд. I, № 70.

[2]) Собр. Уз. и расп. Прав. за 1915 г., № 39, ст. 350.

[3]) Тамъ же, ст. 351.

съ остальною массою колонистовъ нѣмецкаго происхожденія, могли бы быть болѣе опасны на окраинахъ Россіи Русскимъ интересамъ, чѣмъ отдѣльные Поляки Австрійскіе и Прусскіе подданные, потомки такъ сказать бывшихъ обоюдныхъ подданныхъ (Sujet mixt). Такихъ выходцевъ польской народности труднѣе отличить отъ выходцевъ нѣмецкой народности, чѣмъ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ Поляковъ Австрійскихъ и Германскихъ подданныхъ, отъ настоящихъ нѣмецкихъ ихъ подданныхъ.

Тѣмъ не менѣе законодатель не счелъ возможнымъ подчинить ихъ дѣйствію закона 2 февраля 1915 г. (ст. 350 и 351) и потому въ самомъ этомъ законѣ прямо оговорилъ, что дѣйствіе его не распространяется на лицъ, удостовѣрившихъ свою принадлежность къ славянской народности (л. б. п. 1 ст. 3 и л. б. п. 1 ст. 4). Это обстоятельство можетъ служить однимъ изъ основаній къ изъясненію по аналогіи, ст. 9 Уст. Гр. Суд., разсматриваемаго вопроса въ смыслѣ отстаиваемомъ нами.

Если высказанныя нами положенія являются вѣрными, а мы думаемъ, что не вѣрными ихъ признать нельзя, то нужно сказать, что мѣстныя Губернскія Правленія

неправильно примѣняютъ законъ 2 февраля 1915 г. и такъ какъ, по силѣ Отдѣла VIII только что упомянутаго закона, установленіе подробныхъ правилъ и порядка примѣненія разсматриваего узаконенія предоставляется Совѣту Министровъ, то было бы очень полезно если бы Совѣтъ Министровъ вошелъ въ подробное обсужденіе того вопроса, о которомъ рѣчь, или же если бы этотъ вопросъ былъ бы поднятъ при разсмотрѣніи, согласно ст. 87 Основ. Гос. Законовъ т. I ч. 1, изд. 1906 г., въ Государственной Думѣ закона 2 февраля 1915 г.

Въ неразрывной связи, съ вопросомъ о томъ распространяется ли на Поляковъ Австрійскихъ и Прусскихъ подданныхъ законъ 2 февраля 1915 г. объ обязательной ликвидаціи ихъ землевладѣнія въ Россіи, является вопросъ о правѣ ихъ на судебную защиту.

Вопросъ о правѣ подданныхъ воюющихъ державъ на судебную защиту подлежалъ уже 9 февраля 1915 г. подробному разсмотрѣнію Правительствующаго Сената въ распорядительномъ засѣданіи Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ и разрѣшенъ, по большинству голосовъ, въ смыслѣ признанія, что иностранные подданные

воюющихъ державъ не имѣютъ права на судебную защиту.

Въ подтвержденіе обоихъ противоположныхъ мнѣній по разсматриваемому вопросу приводилось и можетъ быть приведена такая масса соображеній за и противъ, что излишне приводитъ таковыя въ этой статьѣ. Мы съ своей стороны считаемъ въ настоящее время необходимымъ отмѣтить только исходныя точки зрѣнія каждаго изъ этихъ діаметрально противоположныхъ вгзляловъ.

Мнѣніе о томъ, что подданные воюющей стороны не должны имѣть права на судебную защиту выводится изъ того что это право признано общими, основными законами, которые могутъ имѣть примѣненіе во всемъ ихъ объемѣ только при мирномъ, нормальномъ теченіи жизни: когда же идетъ война и при томъ жестокая, то общіе законы зачастую пріостанавливаютъ свое дѣйствіе, ихъ замѣняютъ исключительными законами, изъ которыхъ, по разсматриваемому мнѣнію, слѣдуетъ вывести то заключеніе, что подданные воюющихъ Государствъ должны быть лишены права на судебную защиту.

Мы говоримъ «слѣдуетъ вывести заключеніе» о лишеніи права на защиту, ибо въ исключительныхъ законахъ этого прямо не саказано и Правительствующій Сенатъ, въ своемъ рѣшеніи отъ 9 февраля 1915 г., прямого на то постановленія закона, хотя бы и исключительнаго, не привелъ.

Далѣе, мнѣніе о необходимости лишить подданныхъ воюющихъ государствъ права на судебную защиту основывается еще и на томъ, что личность и имущество подданныхъ воюющихъ Государствъ охраняется отъ насилія и самоуправства административными и военными властями и при томъ репрессіями болѣе сильными, чѣмъ тѣ, которыя могутъ имѣть мѣсто при судебной защитѣ по иниціативѣ самихъ этихъ подданныхъ.

Мнѣніе же противоположное исходитъ изъ того начала что право на судебную защиту это неотемлемое право каждой правоспособной личности, признанное общими нашими, основными законами, право, котораго до сихъ поръ не лишены подданные воюющихъ державъ ни общими, ни исключительными законами, а потому подданные воюющихъ державъ этого права не могутъ и не

должны быть лишены лишь путемъ толкованія законовъ и притомъ толкованія неправильнаго.

По нашему убѣжденію не должно быть двухъ мнѣній, который изъ двухъ вышеприведенныхъ взглядовъ долженъ быть признанъ болѣе вѣрнымъ, справедливымъ, гуманнымъ и цѣлесообразнымъ.

Право на судебную защиту это неотъемлемое право каждой правоспособной личности, это вѣрнѣйшій способъ достиженія справедливости, сохраненія въ человѣческомъ общежитіи правового порядка, это одинъ изъ регуляторовъ личной и общественной нравственности.

Очевидно поэтому, что признаніе за всѣми правъ на судебную защиту не можетъ не быть весьма симпатичнымъ.

Спрашивается однако, не будетъ ли это нецѣлесообразнымъ? Вѣдь нѣмцы воюютъ съ Россіей; нецѣлесообразнѣе ли будетъ нѣмецкихъ подданныхъ, хотя отчасти, поставить въ Россіи внѣ закона, лишить ихъ права на судебную защиту?

Думаемъ иначе. Лишеніе лицъ правоспособныхъ, хотя бы и подданныхъ воюющихъ съ Россіею державъ, правъ

на судебную защиту, является актомъ не вполнѣ согласнымъ съ этическими началами, а всякій актъ, несогласный съ этикой, дѣйствуетъ развращающимъ образомъ какъ на тѣхъ, въ пользу которыхъ онъ направленъ, такъ и на тѣхъ противъ которыхъ онъ направленъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ отношеніямъ къ землевладѣльцамъ, подданнымъ Австрійскимъ и Германскимъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что они по закону 2 февраля 1915 года могутъ продолжать свое владѣніе, принадлежащими имъ землями, еще по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ, но, если держаться взгляда вышеупомянутаго рѣшенія Правительствующаго Сената отъ 9 февраля 1915 г., безъ права судебной защиты ихъ правъ и интересовъ.

Такое положеніе вещей можетъ вызвать среди такихъ иностранныхъ подданныхъ напрасное озлобленіе, а среди мѣстнаго сельскаго населенія—желанія самовольнаго, безнаказаннаго пользованія имуществомъ такихъ иностранцевъ, что можетъ въ будущемъ вызвать вообще аграрныя неурядицы, и что вредно отзовется на благосостояніи соотвѣтственныхъ мѣстностей, а тѣмъ самымъ и на общемъ

благосостояніи. Такіе случаи уже были и воспослѣдовала та сильная репрессія, о которой упоминалось выше, но не думаю, чтобы такія послѣдствія были желательны и безвредны. Обезвреживать страну отъ могущихъ послѣдовать вредныхъ дѣйствій подданныхъ воюющихъ государствъ надлежитъ не предварительными противъ нихъ репрессіями а мѣрами истинной справедливости и законности, созданіемъ условій для развитія надлежащихъ отношеній между Правительствомъ и обществомъ, для развитія истиннаго патріотизма, а тогда нечего будетъ бояться отдѣльныхъ подданныхъ воюющихъ государствъ, имѣющихъ право на судебную защиту, ибо «въ единеніи сила».

Мы глубоко убѣждены, что лишеніе подданныхъ воюющихъ государствъ правъ на судебную защиту принесетъ Россіи, во всякомъ случаѣ, болѣе вреда нравственнаго и матеріальнаго, чѣмъ пользы и поэтому нужно думать, что и этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, поступитъ на законодательное его разсмотрѣніе.

Далѣе, въ этой статьѣ мы считаемъ необходимымъ, въ интересахъ общихъ, возбудить еще одинъ вопросъ,

возникающій изъ постановленій закона 2 февраля 1915 г. «о землевладѣніи и землепользованіи нѣкоторыхъ разрядовъ, состоящихъ въ Русскомъ Государствѣ австрійскихъ, венгерскихъ или германскихъ выходцевъ» [1]) и изъ закона «о прекращеніи землевладѣнія и землепользованія австрійскихъ, венгерскихъ и германскихъ выходцевъ въ приграничныхъ мѣстностяхъ» [2]).

При осуществленіи этихъ законовъ въ недалекомъ будущемъ на окраинахъ Россіи появится для понудительной продажи много участковъ, принадлежащихъ, такъ называемымъ, нѣмецкимъ колонистамъ, назначенныхъ къ понудительной продажѣ во избѣжаніе опасности на случай войны съ нѣмцами.

По неволѣ является вопросъ о томъ, какіе желательны будущіе собственники этихъ участковъ?

Практика войны Россіи съ нѣмцами доказала, что симпатіи Польскаго народа были и активно проявлялись по сторонѣ Россіи и противъ нѣмцевъ и что Поляки, сражающіеся противъ нѣмцевъ, какъ въ рядахъ Русской,

---

[1]) Собр. Узак. и расп. Прав., отд. I, 1915 г. № 39, ст. 350.

[2]) Тамъ же, ст. 351.

такъ и Французской Арміи, сражались противъ нѣмцевъ, какъ исконныхъ своихъ враговъ, враговъ всего славянства, а нынѣ—и идей общечеловѣческихъ, съ большимъ самоотверженіемъ и мужествомъ. Все это подсказываетъ мысль, чтобы, во имя справедливости и цѣлесообразности, были допущены къ покупкамъ могущихъ подлежать продажѣ на окраинахъ участковъ нѣмецкихъ колонистовъ, Поляки вообще и въ частности участвовавшіе въ настоящей войнѣ, какъ такіе лица, которые, по природѣ своей, болѣе всего пригодны держать, такъ сказать, передовую стражу противъ напора германизма.

По закону, въ особенности послѣ Именного ВЫСОЧАЙШАГО Указа отъ 1 мая 1905 г. объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограничительныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ девяти Западныхъ губерніяхъ, и о порядкѣ выполненія пункта 7-го Именного Указа отъ 12 декабря 1904 г. и въ отношеніи сихъ губерній» [1]), нѣтъ никакихъ препятствій къ повсемѣстному признанію за Поляками правъ на пріобрѣтеніе вышеупомянутыхъ земель, принадлежащихъ австрійскимъ, венгерскимъ и германскимъ вы-

[1]) Собр. Узак. и расп. Прав. за 1905 г., № 71, ст. 574.

ходцамъ. Но однако, судя по житейской практикѣ, можно предполагать, что у мѣстной администраціи можетъ возникнуть, на счетъ вышеупомянутаго вопроса, нѣкоторое неудомѣніе. Такъ какъ этотъ вопросъ спѣшный, а по ст. 8 и 9 вышеупомянутыхъ узаконеній, установленіе подробныхъ правилъ о примѣненіи упомянутыхъ узаконеній предоставляется Совѣту Министровъ, то мы находимъ, что было бы весьма желательнымъ, чтобы Совѣтъ Министровъ возможно скорѣе издалъ разъясненіе по вышеупомянутому поводу въ смыслѣ указанномъ нами выше.

Въ жизни отдѣльныхъ лицъ, обществъ и народовъ важно то коренное начало, которымъ они руководствуются и сообразно которому течетъ ихъ жизнь. Начало это въ общемъ можетъ быть идеалистическое, или эгоистическое, или же утилитарное. Самое лучшее—это утилитарное, въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. начало согласующее добро и интересы индивидуальныя съ добромъ и интересами общими.

Начало это мы усматриваемъ и въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго и Всѣмилостивѣйшихъ словахъ,

произнесенныхъ съ высоты престола. Въ ВЫСОЧАЙШЕЙ телеграммѣ 23 іюня 1915 г., которою ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО всемилостивѣйше удостоилъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, было дано порученіе передать представителямъ Польскаго народа принимающимъ участіе въ вышеупомянутомъ совѣщаніи, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО «вѣритъ ихъ преданности и отъ души желаетъ успѣха въ предстоящей работѣ на пользу роднаго имъ края» [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго на имя Графа Вѣлепольскаго, одного изъ членовъ вышеупомянутаго совѣщанія, въ которой, между прочимъ, сказано: «съ цѣлаго сердца желаю плодотворной работы для общаго блага» [2]).

Глубоко вѣря въ лучшую будущность Русскаго и Польскаго народовъ [3]) и въ то, что таковая будетъ все болѣе и болѣе укрѣпляться «по мѣрѣ осуществленія реальныхъ правъ Польскаго народа» [4]), мы находимъ

---

[1]) Рѣчь 26 іюня, 1915 г., № 175.

[2]) «Goniec Poranny» 12 Lipca 1915 г. № 344.

[3]) «С.-Петербургскій Курьеръ» 1914 г. № 119 моя статья: «Вѣра въ лучшую будущность Поляковъ и Русскихъ».

[4]) «Биржевыя Вѣдомости», утренній выпускъ 3 авг. 1914 г. № 14288.

желательнымъ, чтобы не только въ законодательныхъ актахъ, но и въ дѣятельности мѣстной администраціи восторжествовала надлежащая система Русско-Польскихъ взаимоотношеній.

Обращаясь пока къ поднятымъ выше вопросамъ, мы находимъ, что мѣстныя административныя власти неправильно примѣняютъ законы 2 февраля 1915 г. къ Полякамъ, прусскимъ и австрійскимъ подданнымъ, а также къ русскимъ подданнымъ полякамъ, носящимъ нѣмецкія фамиліи, предки которыхъ, еще до раздѣла Польши, жили на земляхъ составлявшихъ бывшее Польское Государство, были его гражданами и перешли въ составъ Русскихъ Подданныхъ вмѣстѣ съ землями бывшаго Польскаго Государства, но которыхъ мѣстная административная власть неправильно относитъ къ австрійскимъ или германскимъ выходцамъ [1]).

Думаемъ, въ интересахъ справедливости и цѣлесообразности, въ интересахъ общегосударственныхъ, въ тѣхъ высшихъ интересахъ, о которыхъ мы говорили выше, слѣдовало бы, согласно смыслу вышеуказанныхъ законовъ

[1]) Постановленія Волынскаго и Варшавскаго Губернскихъ Правленій на счетъ владѣнія Шленкеровъ.

2 февраля 1915 г., разсмотрѣть возбужденные выше вопросы въ Совѣтѣ Министровъ и выяснить неправильность взглядовъ мѣстныхъ Губернскихъ Правленій.

Скорѣйшее и правильное разъясненіе подобныхъ вопросовъ необходимо въ видахъ установленія правильныхъ Русско-Польскихъ взаимоотношеній и въ видахъ устраненія всего того, что могло бы вредно отразиться на нихъ.

Мы подняли пока нѣкоторые вопросы, но правильное ихъ разрѣшеніе можетъ имѣть значеніе указанія на систему разрѣшенія таковыхъ и какъ доброе начало осуществленія въ жизни началъ провозглашенныхъ свыше.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія въ Юридическомъ книжномъ магазинѣ «Мартыновъ, Н. К.» Петроградъ, Садовая, 5/10

СОЧИНЕНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго Конституціи Вальныхъ Сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о выморочности (кадукахъ) по польско-литовскому законодательству. С.-Петербургъ. 1897 г.

Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ. С.-Петербургъ. 1899 г.

По вопросамъ о примѣненіи Новаго Гербоваго Устава. С.-Петербургъ. 1901 г.

О подсудности Римско-Католическихъ Епископовъ по преступленіямъ должности и бракоразводныхъ дѣлъ между Маріавитами и Католиками. Петербургъ. 1913 г.

Тип. Т-ва п. ф. «Эл.-Тип. Н. Я. Стойковой». Петроградъ, Знаменская, 27.

КОПИРОВАНИЕ

25.11.03.